Большое вам спасибо, красные следопыты

«Белгородская правда» продолжает публиковать мемуары краеведа Александра Крупенкова

Братская могила на Старом городе

«Мои воспоминания о Белгороде» принадлежат перу Александра Николаевича Крупенкова – известного исследователя истории города. Записи, которые нигде ранее не публиковались, в архиве супруга обнаружила вдова краеведа Тамара Юльевна Крупенкова. Именно она передала мемуары в редакцию «Белгородской правды». Первая часть воспоминаний вышла на страницах газеты 6 мая 2021 года – в день, когда Александру Крупенкову исполнилось бы 70 лет. Из уважения к памяти автора мы публикуем текст без редакционной правки.

Без вести пропавшие

В приходивших во время войны в семьи погибших воинов похоронках очень редко сообщалось место гибели. Чаще всего писали так: «Погиб на высоте (такой-то)» или «Погиб в боях за нашу социалистическую Родину». Ещё чаще приходили не похоронки, а официальные извещения с горькими словами «пропал без вести». А это было ещё хуже. Если родные получали похоронку и в ней было написано «погиб», то семье была положена, хоть и небольшая, денежная компенсация за потерю кормильца. Но когда приходило извещение «пропал без вести», никакого пособия не полагалось, так как считалось, что кто-то мог бежать с фашистами и значиться «пропавшим без вести». Я тоже за десятилетнюю поисковую работу во Дворце пионеров сталкивался с такими случаями. На наши письма с просьбой отозваться родственников двух воинов, чьи фамилии выбиты на мемориальных плитах братских могил в Белгороде, мы получили официальные ответы из сельских советов, заверенные печатью, что эти люди не могли погибнуть в Белгороде, так как они бежали с немецко-фашистскими захватчиками и являются «изменниками Родины». Всё было в войну, но такие случаи, конечно, единичные. Основная масса воинов действительно погибла «в боях за нашу социалистическую Родину».

Очень часто в ожесточённых боях солдаты, охваченные порывом наступления, не успевали выполнить свой последний долг перед павшими товарищами, и хоронили их уже после боя местные жители, не установив их фамилии. Во многих случаях «повинны» в том, что остались безызвестными, сами бойцы. Солдатам и офицерам на фронте вручались металлические или пластмассовые медальоны с узкой полоской бумаги, на которой они должны были записать свои фамилию, имя, отчество, домашний адрес и другие анкетные данные. Но большинство солдат были молодыми ребятами, верили, что доживут до светлого дня победы. Они считали, что носить с собой так называемые смертные медальоны – плохая примета. Поэтому многие выбрасывали медальоны, и когда они погибали, хоронили их как неизвестных солдат. Бывали случаи, когда местные жители после боёв собирали медальоны и, не зная, что с ними делать, просто выбрасывали. Известно также, что родственникам погибших воинов, проживавшим на оккупированной территории, «похоронки» не отправлялись. Поэтому многие павшие в боях остались навсегда безымянными.

И всё же большинство воинов, похороненных в братских могилах, нельзя назвать «пропавшими без вести». Их фамилии увековечены на мемориальных плитах, а в военных комиссариатах по месту призыва и гибели на них имеются учётные карточки. Нужно было только вовремя сообщить всем семьям погибших место захоронения. Но некогда заниматься этим работникам военкоматов. У них есть более важные дела. И занимаются этим школьники и энтузиасты-одиночки. Поэтому у нас в стране и было так много «пропавших без вести». Не знали места захоронения близких людей родители, мужья, братья, сёстры и дети. Не знают сейчас их внуки, правнуки и праправнуки, для которых Великая Отечественная война становится такой же далёкой, как и Отечественная 1812 года.

Александр Крупенков (справа) с родственниками бойцов, погибших при освобождении Белгорода. 9 мая 1986 год

«Обязательно приедем»

Многие письма, отправленные нами, как я уже писал (*см. номер «Белгородской правды» от 3 июня 2021 года.* – **БП**), вернулись обратно. В большинстве учётных карточек не было указано никаких сведений об их родственниках и адресах. Но на всех учётных карточках имелись печати, на которых были указаны области и районы военкомата, которым призывался на войну погибший. По этим печатям мы и решили продолжить поиск родственников, до которых не дошли наши письма и сведения о которых отсутствовали в учётных карточках. Искать мы их начали через районные газеты.

Сотни писем направили ребята в редакции. В разных городах и сёлах страны читали люди эти короткие детские письма и узнавали, что в далёком от них Белгороде погиб и похоронен близкий им человек.

Из села Очкино Середино-Будского района (*Сумская область Украины.* – **БП**) написали родные Терентия Филипповича Самуся, похороненного в братской могиле на площади Революции: *«Большое вам спасибо, красные следопыты, за то, что сообщили о месте захоронения дорогого нам Терентия Филипповича. Долгие годы мы разыскивали его могилу. С большим волнением мы, родные, близкие и односельчане, а также жители района узнали через нашу районную газету «Знамя труда» весть о месте захоронения Терентия Филипповича в центре Белгорода. Мы, родственники уроженца братской Украинской Советской Социалистической Республики, сердечно благодарны всем русским братьям и сёстрам за внимание к погибшим».*

Из письма родных Т.Ф. Самуся стала известна биография ещё одного освободителя Белгорода. Родился Терентий Филиппович в бедной крестьянской семье. С малых лет познал тяжкий труд, нужду, голод. С 1934-го по 1937 год находился в рядах Красной армии. Демобилизовавшись, вернулся в родное село. Односельчане оказали высокое доверие бывшему солдату – избрали его председателем колхоза. Когда гитлеровские полчища вероломно нарушили мирную жизнь советских людей, Терентий Филиппович в первые же дни войны со своими односельчанами **Михаилом Кучимом** и **Егором Самохой** добровольно ушли на войну. Вместе сражались друзья-однополчане с немецко-фашистскими захватчиками. Фронтовыми дорогами дошли они до Белгорода, а в феврале 1943 года трое солдат-украинцев погибли, освобождая оккупированный фашистами город. До сих пор не знают родные М.М. Кучима и Е.М. Самохи, где они похоронены. Долгие годы неизвестным для родных было и место захоронения Т.Ф. Самуся. Благодаря следопытам клуба «Поиск» эту ошибку удалось исправить.

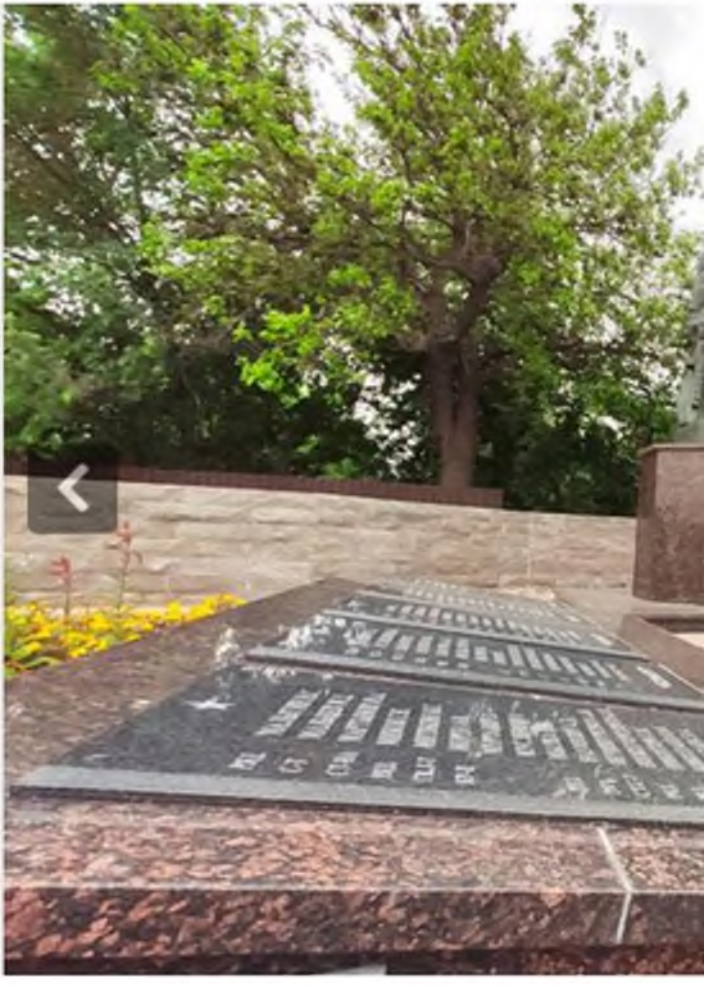
«К 40-летию битвы на Курской дуге и освобождения Белгорода от немецко-фашистских захватчиков мы обязательно приедем на дорогое нам место, где похоронен Терентий Филиппович. Туда, где до последней минуты своей жизни защищал нашу социалистическую Родину. Привезём горстку украинской земли, на которой он родился и вырос». Подписали письмо жена, брат, сыновья, дочь, внуки и внучки, племянники – всего двадцать один человек.

Стали приходить и письма от родственников воинов, похороненных в братской могиле у Дворца культуры «Юбилейный» (*ныне – Белгородский государственный центр народного творчества.* – **БП**). Прочтём хотя бы одно из них. Его прислала вдова рядового Ивана Покрышкина – уроженца Кировской области, павшего в боях при форсировании реки Северский Донец.

«Дорогие красные следопыты! В районной газете «Сельская новь» прочитала сообщение о том, что в одной из братских могил вашего города похоронен мой муж Покрышкин Иван Васильевич. Где он похоронен, я до сих пор не знала. В письмах с фронта он писал, что воюет под Белгородом. Низкий поклон вам, дорогие ребята, спасибо большое, что сообщили мне о нём».

Братская могила на Болховце у 33-й школы

ДАШ ПОКОЯНЕ ВЕЧЕН,
СЛАВА БЕССМЕРТНА
1941 1943



Братская могила на улице Красноармейской

«Список уточнили и указали на плитах»

В Белгороде шесть воинских братских могил. Кроме братских захоронений на площади Революции и у Дворца культуры «Юбилейный», ещё четыре. С какой бы стороны мы ни подъезжали к городу, обязательно увидим братскую могилу. С северной стороны – у аэропорта (72 человека), с западной – на Болховце, в районе 33-й средней школы (410 человек), с южной – на улице Красноармейской в районе «Спутника» (116 человек), с восточной – на Старом городе, перед средней школой № 24 (154 человека). В скобках указано, сколько воинов значатся похороненными в них по количеству учётных карточек обоих военкоматов. На самом деле, точно уже никто не сможет сказать, сколько воинов похоронено в той или иной братской могиле. Многие навсегда остались неизвестными. Самая большая неразбериха с братской могилой, где всегда на праздники бывает больше всего людей и где уже несколько десятилетий горит Вечный огонь.

Первоначально на нынешней Соборной площади было три братских могилы – участников революции и гражданской войны, погибших за советскую власть. В начале 1920-х годов их объединили в одну. Находилась она в Новом сквере, располагавшемся в северной части современной площади, ниже нынешнего памятника **В.И. Ленину** и ближе к гостинице «Белгород». Над могилой был установлен памятник в виде обелиска. В годы Великой Отечественной войны рядом с этой братской могилой начали хоронить воинов, погибших в боях за Белгород. Первыми были похоронены те, чьи фамилии сейчас увековечены на металлических плитах у подножия памятника. На них почему-то в военкомате учётных карточек нет.

После освобождения Белгорода сюда были перезахоронены останки воинов из небольших братских и одиночных могил, которых в то время было много по всему городу прямо на улицах и во дворах. Когда в 1950-х годах проходила реконструкция площади Революции, было принято решение перенести останки из обеих братских могил в западную часть площади, в начало сквера, где сейчас горит Вечный огонь. Была создана специальная комиссия по перезахоронению, в которую вошли представители горисполкома, военный комиссар, начальник городского отдела милиции и другие ответственные работники. Как происходило перезахоронение, спустя много лет рассказал в письме в Белгородский городской совет ветеранов войны бывший начальник городского коммунального хозяйства **Д.И. Каплинский**: *«В братской могиле захоронения были без гробов, судя по останкам, примерно 20 человек. В 4 часа утра мы переложили прах в гробы и перенесли»*. Это единственное свидетельство непосредственного участника перезахоронения останков воинов на площади Революции. Все остальные молчали. Теперь их уже нет в живых и спросить некого.

Своё письмо в Совет ветеранов Д.И. Каплинский закончил так: «Список похороненных в братской могиле уточнили и указали на мемориальных плитах у Вечного огня». Эти фамилии увековечены на металлических мемориальных плитах, которые лежат вокруг скульптуры скорбящей вдовы с ребёнком. Потом на двух памятных знаках перед входом в сквер установили ещё шесть мемориальных плит с фамилиями воинов, перезахороненных в Новый сквер из других братских и одиночных могил. На этих плитах значится чуть больше ста фамилий, хотя по утверждению некоторых ветеранов и свидетелей тех событий, в братскую могилу, находившуюся ещё в Новом сквере, было перезахоронено намного больше воинов, потому что могил по всему городу было очень много.

Братская могила у аэропорта

Братская могила у БГЦНТ (бывшей ДК «Юбилейный»

«Я никому об этом никогда не говорил»

Меня всегда интересовал вопрос, почему Д.И. Каплинский писал, что в новую братскую могилу было перезахоронено «примерно 20 человек». По всей видимости, он имел в виду только тех, кто был похоронен в Новом сквере сразу, а не тех, кого перезахоронили потом. Но где же останки остальных воинов, которых даже по самым заниженным подсчётам было не менее ста человек, а по воспоминаниям старожилов намного больше?

На этот вопрос я получил ответ только в 2004 году. А ответил мне на него старейший белгородский архивист и краевед **Юрий Иванович Гончаренко**. Коренной белгородец, он очень любил свой город и кропотливо изучал его историю. Полвека он посвятил архивному делу, причём долгие годы работал директором партийного архива. У него был доступ к документам, которые никому никогда не выдавались, и он по долгу службы знал многие партийные тайны, которые были неведомы другим белгородцам. В последние годы жизни Юрия Ивановича я дружил с ним, хотя и был намного моложе его, и он рассказывал мне много интересного из истории Белгорода. На мой вопрос, почему в новую братскую могилу на площади Революции было перезахоронено «примерно 20 человек», он ответил так:

«Я никому об этом никогда не говорил, но так как вы много лет занимаетесь братскими могилами, вам расскажу. Правда, сам я свидетелем перезахоронения не был, но интересовался этим вопросом, был знаком с некоторыми документами и разговаривал с участниками перезахоронения. Эксгумация происходила в 1956 году ночью, вся площадь была оцеплена милицией и военными. Когда вскрыли могилу, оказалось, что огромная масса тел не разложилась за все эти годы. Стоять рядом, а тем более работать, даже в противогазах, было просто невозможно. Поэтому тут же на месте и было принято решение перезахоронить хотя бы небольшую часть воинов, чтобы в будущем потомки не упрекнули их в том, что установили памятник и зажгли Вечный огонь на пустом месте. Каплинский всё это, конечно, знал, поэтому написал всю правду, что перезахоронили «примерно 20 человек», но подробности скрыл. А основная масса погибших в Великую Отечественную и гражданскую войны так и осталась там, где они были похоронены. Потом площадь заасфальтировали и теперь белгородцы ходят по ней, даже не догадываясь, что ходят по костям».

Юрий Иванович, понимая, насколько щепетильный этот вопрос, просил меня, чтобы я никому не рассказывал и не писал об этом, пока он жив, и не ссылался на него. В 2007 году Юрия Ивановича не стало, и теперь я имею право поведать читателям эту печальную историю.

Конец шестой части. Предыдущие опубликованы в номерах «Белгородской правды» от 6, 13, 20, 27 мая и 3 июня. Заключительная часть «Моих воспоминаний о Белгороде» выйдет в следующем номере.

Фото Вадима Кумейко и Павла Колядина.
В тексте также использованы фотографии из личного архива Тамары Крупенковой.

Так выглядит тот самый «смертный медальон»